

ГРАММАТИКА

УДК 81.2.2

Б. В. Болдырев

Институт филологии СО РАН

Послелого и их место в системе склонения в тунгусо-маньчжурских языках

В статье рассматриваются вопросы формирования послелогов как самостоятельного разряда служебных слов в тунгусо-маньчжурских языках и последовательно анализируются их формальные и функциональные особенности. Выделены две группы послелогов: первые восходят к десемантизированным именам существительным, вторые – к отглагольным образованиям, преимущественно деепричастиям-наречиям. В результате анализа структуры и семантики установлено, что формирование и развитие отыменных послелогов в тунгусо-маньчжурских языках осуществлялось в рамках притяжательных конструкций двух типов: морфолого-синтаксической и лексико-синтаксической. Первый тип таких конструкций свойственен тунгусским языкам северной и южной групп, второй тип является характерным для грамматической системы маньчжурского языка. Формирование и развитие отглагольных или деепричастных послелогов осуществлялось разными грамматическими способами: одни стали функционировать в составе притяжательного словосочетания, ничем не отличаясь в этом отношении от отыменных послелогов, другие – постпозитивно примыкать к знаменательному слову, отличаясь в этом отношении от суффиксальных падежных показателей лишь раздельным написанием.

Ключевые слова: послелого, разряд служебных слов, грамматическая категория, отыменные, отглагольные послелого.

В тунгусо-маньчжурских языках отношение между именем и обуславливающим его падежную форму словом, обозначающим действие, выражается не только с помощью падежных суффиксов в пределах самих словоформ, т. е. синтетических падежных форм, но и посредством послелогов, т.е. аналитических падежей. Послелог – это служебное слово, назначение которого выражать подчинительную зависимость входящего с ним в одно словосочетание знаменательного слова от слова, обозначающего действие. Таким образом, послелого входят в единую систему грамматических противопоставлений с морфологическими формами слова. Противопоставляясь агглютинативному способу выражения грамматических значений слова как способу синтетическому, аналитический способ в то же время объединяется с ним в общий ряд морфологических средств.

Болдырев Борис Васильевич – доктор филологических наук, заведующий Сектором тунгусо-маньчжуроведения ФГБУН Института филологии СО РАН.

Контактная информация: ул. Николаева, д. 8, г. Новосибирск, 630090, Российская Федерация, e-mail: sektor-tungusov@mail.ru, тел: (383)3302737.

Относясь к числу служебных слов, послелог является одним из компонентов аналитической конструкции, первым компонентом которой является знаменательное слово, относящееся к классу имен существительных. Таким словом может быть собственно существительное, местоименное существительное, причастное существительное. Иначе говоря, послелог, как и падежный суффикс, является частнограмматической формой выражения падежного отношения между словами, обозначающими предметные понятия и словами, обозначающими действие. Будучи служебным словом, послелог отличается от знаменательного прежде всего отсутствием лексического значения. Послелог самостоятельных понятий не обозначают, а следовательно – в составе предложения они не способны выступать в роли их членов, выражая лишь отношения между знаменательными словами. Соотношение между лексическим и грамматическим значением у них иное, чем у знаменательных слов. Как справедливо указывал В. А. Аврорин, что «если даже допустить, что лексическое значение в той или иной мере, пусть иногда в весьма слабой, присутствует в любом служебном слове (а в известной части служебных слов оно присутствует бесспорно), то оно всегда подчиненно грамматическому значению, которое у служебного слова существует не для него самого, а для того, чтобы выражать грамматическое значение обслуживаемого им знаменательного слова» [Аврорин, 1959, с. 85]. О служебной функции послелога свидетельствует и тот факт, что он не может иметь при себе определения, выраженного словами класса имен прилагательных. Кроме того, если даже согласиться с тем, что из состава некоторых послелогов можно вычлени их основу, совпадающую с основой знаменательного слова, то это отнюдь не является свидетельством того, что мы имеем дело не с послелогом, а со знаменательным словом в косвенно-падежной форме. Знаменательное слово склоняется как полноценное имя существительное, так как при этом выявляется его синтаксическая роль в составе предложения: оно может быть подлежащим, дополнением, обстоятельством. Послелог же является лишь средством выражения тех синтаксических отношений, которые выступают между словами предложения, т.е. выполняет ту же функцию, которая свойственна падежным суффиксам. Таким образом, сам послелог не склоняется и склоняться не может.

По мнению О. П. Суника, «аналитическая форма слова – это не сочетание слов и не словосочетание (тем более устойчивое, лексикализованное и т.п.), так как состоит аналитическая форма не из слов (двух или нескольких), а из слова и не-слова, т. е. из слова и так называемого служебного слова – слова “пустого”, формального, частичного, если угодно – грамматического, т.е. слова в кавычках» [Суник, 1965, с. 75–76].

Мы эту точку зрения не разделяем, поскольку считаем, что послелог все-таки словом является, но не знаменательным, а служебным. Во-первых, потому, что послелог является одним из компонентов притяжательного словосочетания, в котором послелог оформляется притяжательным суффиксом, отражающим лицо-число первого члена конструкции (ср. эвенк. *нуңан илэл дагадутын бидеңкин* ‘он жил рядом с людьми’; *нуңан би дагадус бидеңкин* ‘он жил рядом со мной’; *нуңан си дагадус бидеңкин* ‘он жил рядом с тобой’; *нуңан бу дагадусун бидеңкин* ‘он жил рядом с нами’. Во-вторых, из состава грамматикализованного, утратившего свою лексическую самостоятельность послелога вычленяется падежный суффикс, форма которого обусловлена семантикой глагольного или отглагольного слова, в подчинительной зависимости от которого находится знаменательное слово с послелогом, иначе притяжательная конструкция (ср. эвенк. *би амардулив тутусинкэл* ‘ползи за мной’; *амаргидин дылган долдывчан* ‘сзади него раздался голос’).

Поскольку в состав притяжательной конструкции могут входить только слова, постольку и послелог следует считать словом, но не знаменательным, а служебным. Аналитический характер послеложной конструкции не дает повода относить послелог к числу пустых слов и потому, что в некоторых случаях послелог самостоятельно, т. е. без знаменательного слова выступает в синтаксической роли дополнения или обстоятельства. Это происходит в тех случаях, когда первым членом послеложной конструкции выступают местоимения, которые без ущерба для понимания, как правило, опускаются. Возможность их опущения обусловлена тем, что послелог оформлен притяжательным суффиксом, отражающим лицо-число опущен-

ного местоимения (ср. эвенк. (бу) *амаргидивун пэктырур долдывра* ‘сзади нас слышались выстрелы’; би (си) *чагидис дядям* ‘я спрячусь за тобой’). На наш взгляд, так называемые «послеложные местоимения» являются обычными формами соответствующих местоимений в косвенно-падежных формах. Элизия местоимений из состава конструкции с послелогом является, во-первых, факультативной, а во-вторых, обусловленной оформлением служебного слова, т. е. послелога, притяжательным суффиксом, который в полной мере возмещает опущенное местоимение.

Таким образом, с утратой статуса знаменательного слова послелог утрачивает и его функции: 1) он не выражает самостоятельных предметных понятий; 2) он не способен выступать в роли самостоятельного члена предложения; 3) его частнограмматические категории (падеж и притяжание) отражают лишь его синтаксическую связь со словами предложения: падеж отражает не форму послелога, в состав которого он входит, а форму знаменательного слова, с которым взаимодействует этот послелог. Падежное значение послелога, относящегося к числу серийных, складывается из учета значения его основы, обозначающей пространственные понятия, и значения падежного аффикса. Именно поэтому падежное значение послелога, в состав которого входит какой-либо падежный показатель, является более конкретным, более точно отражающим ориентировку того или иного действия в пространстве, чем значение суффиксального падежа.

Переход в число послелогов имени существительного обусловила именно его десемантизация в косвенно-падежной форме, при этом послелог стал своего рода омонимом соответствующего имени в косвенно-падежной форме, сохраняющего свою семантику. Обращает на себя внимание, что разграничение послелога и существительного в косвенно-падежной форме осуществляется с учетом их синтаксической функции в составе предложения, ср. эвенк. *ургэнчул чургисиктал му симума оёвон борилканивкачатын* ‘тяжелые капли покрыли тихую поверхность воды’ (существительное *оё* ‘поверхность’ выступает в составе притяжательной конструкции в роли определяемого, притяжательным определением к нему выступает слово *му* ‘водный’; в составе предложения существительное *оё* в форме винительного падежа выступает в роли прямого дополнения, т. е. букв. *му симума оёвон* ‘водную тихую поверхность’).

Особенностью послелогов отыменного происхождения является возможность их образования от соответствующих основ существительных с пространственным значением лишь посредством локативных падежных показателей, ср. эвенк. *нуңан дёло оёдун тэгэтчэчэн* ‘он сидел на камне’; *самолёт оёдув очан* ‘самолёт оказался надо мной’ (обстоятельство места *оёдув* ‘надо’ мной выражено косвенно-падежной формой личного местоимения *би*, лицо и число которого отражено притяжательным суффиксом послелога, само местоимение *би* в виду избыточности его выражения в данном предложении опущено, такое опущение является факультативным).

Следует отметить, что грамматикализация послелога в тунгусо-маньчжурских языках происходит лишь в том случае, если он является членом притяжательной конструкции, первым членом которой выступает слово класса имени существительного, лицо-число которого отражается притяжательным суффиксом послелога. Вне рамок притяжательной конструкции от основ существительных с пространственным значением при помощи тех же локативных падежных суффиксов образуются соответствующие наречия (ср. эвенк. *орон бира дагалин дыңнилэстэн* ‘олень промчался вдоль реки’; *но дагали муннукар дыңнилэнчэтын* ‘совсем близко проскакали зайцы’). Учитывая этот факт, на наш взгляд, уместнее говорить о грамматикализации не послелогов, а притяжательной конструкции, в составе которой некогда знаменательное слово в форме локативного падежа становится послелогом. В результате такого преобразования меняется и грамматическая сущность притяжательной конструкции, превратившейся из притяжательно-определятельной (ср. *нуңан мунду моты амарван ниматтэн* ‘он отделил нам лосиный окорок’) в обстоятельственную (ср. *умнэт (бу) амаргидивун пэктырур долдывра* ‘вдруг сзади нас слышались выстрелы’).

Попутно следует напомнить, что в составе притяжательной конструкции первый ее компонент, т. е. знаменательное слово, выступает в беспадежной форме, поскольку падежное

значение этому слову передает взаимодействующий с ним послелог, причем, падежной формой знаменательного слова управляет не послелог, а глагол, в подчинительной зависимости от которого находится знаменательное слово в падежной форме, выраженной послелогом.

Если различие между послелогом и знаменательным словом сводится по существу к тому, что послелог представляет собой частично или полностью десемантизированное знаменательное слово и переходит в разряд служебных, то различие между послелогом и словоизменительным суффиксом сводится к тому, что послелог сохраняет некоторые признаки свойственные знаменательному слову: большинство послелогов десемантизировано лишь частично, поэтому в их состав могут входить суффиксы падежа, числа и притяжания; в отличие от падежных суффиксов, послелого могут вступать во взаимодействие с существительными в притяжательном оформлении (ср. эвенк. *нуңан дьови олдонңидин имкинмэ очан* 'сбоку своего дома он сделал вход', *нуңан дьов олдонңидин имкинмэ очан* 'сбоку моего дома он сделал вход' – послелог взаимодействует с существительным в беспадежной форме, но в притяжательном оформлении; притяжательный суффикс послелого отражает его связь со знаменательным словом.

Таким образом, в отличие от суффикса падежа, послелог выражает грамматическое отношение не только между существительным и подчиняющим его глагольным или отглагольным словом, но, и подобно знаменательному слову, отражает свойственные ему синтаксические отношения со знаменательным словом. Из этого вытекает, что утратив как самостоятельное лексическое значение, так и роль самостоятельного члена предложения, послелог сохраняет частнограмматические категории слов класса имен существительных, что, в конечном счете, и позволяет классифицировать послелог как служебное слово.

Кроме того, трудности, связанные с установлением места послелогов в падежной парадигме, на наш взгляд, являются преувеличенными, поскольку, во-первых потому, в отличие от знаменательных слов, послелого, как и суффиксы, могут быть перечислены списком и принадлежат к закрытому классу формальных показателей, образующих единую парадигму склонения слов класса имен существительных, составляя обязательную часть описания морфологии языка и демонстрируя тем самым возможные падежные значения одной и той же части речи. Во-вторых, послелого формируются на базе конечного списка как их основ, так и падежных суффиксов, которые входят в их состав. Например, в ороцком языке насчитывается десять падежей, на базе которых от именных основ возникло сорок пять послелогов, значения которых представляют коррелятивный ряд, соотносящийся со значениями тех падежей, суффиксы которых входят в их состав. Следовательно, в составе падежной парадигмы тот или иной послелог должен находить свое место в том коррелятивном ряду, который характеризуется наличием одного и того же грамматического признака.

Применительно к ороцкой парадигме склонения слов класса имен существительных это означает, что падежные значения каждой суффиксированной формы могут быть дополнены падежными значениями послелогов, в состав которых входит эта же суффиксальная форма. Например, суффиксально-послеложная парадигма склонения существительных (локативные падежи) может быть представлена так:

Винительный падеж:	-ва ~ -ма ~ -ба: <i>дбв̄-, бадива-, даппава-, дулэвэ-</i>
Дательный падеж:	-ду: <i>агданду-, амаду-, баггяду-, бәдиду-, даббаду-, даппаду-, дуляду-, кижяду-, огдонду-, ојоду-, хэггиду-, чаду-, дбду-</i>
Местный падеж:	-ла ~ -дула: <i>агдандула-, амала-, баггила-, бәдила-, дабала-, даппала, дулэла-, кижала-, огдондула-, ојоло-, хондула-, хэггилэ-, чала-, дбл-</i>
Продольный падеж:	-ли ~ -дули: <i>агландули-, амали-, даппали-, дулэли-, огдондули-, ојоли-, хондули-, хэггиэли-, дбли-</i>
Направительный падеж:	-ти: <i>ојоти-, хэггиэти-, дбти-</i>
Отложительный падеж:	-дуи: <i>дбдуи-</i>
Исходный падеж:	диди: <i>дбдиди-</i>

Кроме вышепредставленных в ороческом языке зафиксированы и такие послелогои, которые ныне являются нечленимыми, но в их составе сравнительно легко выявляется падежный суффикс, это послелогои *баити-* выражает значение направительного падежа; *оронду-* ~ *убуду-* ‘вместо кого-л.’, *туггунду-* ‘из-за чего-л., кого-л.’; *ујэдилэ-* ‘над чем-л., кем-л.’. Производящие основы этих послелогов в самом ороческом языке не зафиксированы, но известны в родственных языках (ср. маньчж. *орон* ‘место’ < мо. *орун*; маньчж. *убадэ* ‘на этом месте’, *уба* ‘это место’; нан. *тургун* ‘причина, повод, вина’; нан. *ујэдиэ* ‘верх чего-л.’). Эти послелогои, на наш взгляд, также могут быть включены в падежную парадигму.

Вышеизложенное отнюдь не означает, что падежное значение всякого послелогоа обязательно должно коррелировать со значением какого-либо суффиксального падежа. Например, эвенкийский послелог *дяри-* употребляется для обозначения лица, предмета, в пользу которого что-л. делается, которому что-л. предназначается, ради которого что-л. совершается и т.п. и не имеет соответствий среди падежно-суффиксальных показателей. В подобных случаях послелог, на наш взгляд, должен занимать самостоятельное место в падежной парадигме.

Некоторые исследователи тунгусо-маньчжурских языков к числу послелогов причисляют наречия отглагольного происхождения [Аврорин, 1961, с. 240–244; Константинова, 1964, с. 247–248; Лебедева и др., 1985, с. 211; Цинциус, 1947, с. 233]. Например, В. А. Аврорин считает, что наречные послеложные слова, или послеложные наречия, сочетаются с именами существительными и замещающими их словами ... В таких словосочетаниях послеложные наречия сами остаются неизменяемыми, но от связанных с ними знаменательных слов требуют формы винительного падежа, т.е. управляют логически подчиняющимися им словами ... [1961, с. 241]. В. И. Цинциус разграничила выделенные ею послелогои на две группы, к одной из которых она отнесла отыменные послелогои, а ко второй группе, по ее мнению, ... относятся неизменяемые (несклоняемые) послелогои, большей частью управляющие винительным падежом имени ... [Аврорин, 1947, с. 233]. С точки зрения О. А. Константиновой, в эвенкийском языке в роли управляющих послелогов используются наречия в формах на *-мнак*, *-нтыки*, *-ки*, *-ски*, *-гит* и др. Эти послелогои, так же как и именные, выражают, уточняют пространственные значения. Связываются эти послелогои с именами посредством управления, причем управляющим словом является послелог, а управляемым – связанное с ним знаменательное слово: имя существительное, местоимение, реже – другие именные части речи» [Константинова, 1964, с. 247–248].

Нам представляется, что нет достаточных оснований для причисления наречий отглагольного происхождения, каковыми по своей грамматической сущности они являются, относить к числу послелогов.

Во-первых, отглагольные наречия, в отличие от послелогов, сохраняют свое реальное лексическое значение, что дает возможность использовать их не только в составе конструкции, где они управляют падежной формой подчиненного им существительного, но и в предложениях, где они используются вне такой связи, обозначая лишь обстоятельства действия, выраженного глаголом, к которому они примыкают (ср. эвенк. *гулэл илтэмнэк деринэлчэтын* ‘мимо стали мелькать дома’ и *нуңартын гулэлвэ илтэмнэк нэнэдечэтын* ‘они проезжали мимо домов’; нан. *наондэкан садава кэндэли тутуйни* ‘мальчик бегает вокруг сада’ и *кэндэли сиян, дяхар бичини* ‘кругом были только песок да галька’ и т.п.).

Второе отличие послелогов от наречий вытекает из первого: они являются полностью или частично десемантизированными словами и потому относятся к числу служебных, отличаясь тем самым от наречий, которые сохраняют свое лексическое значение, что проявляется в их способности управлять падежной формой зависимых от них существительных.

Третье отличие послелогов от наречий состоит в том, что отглагольное наречие самостоятельно управляет падежной формой зависимого от него существительного, в отличие от послелогов, которые не способны управлять падежной формой связанного с ними существительного, аналитической падежной формой которого управляет глагол.

Четвертое отличие послелогоа от наречия состоит в том, что наречие связано с глаголом по способу примыкания и, по существу, его форма является независимой от формы глагола, иначе

говоря, оно является независимой лексической единицей, выступающей в форме своей основы. Иное дело послелог, который связан двусторонней связью как с существительным, падежное значение которого он выражает, так и с глаголом, определяющим его падежное значение. Послеложная конструкция отличается от словосочетания, представленного существительным и наречием, еще и тем, что в составе первой существительное всегда выступает в беспадежной форме, т. е. в форме своей основы, поэтому функция послелога в такой конструкции заключается в выражении того падежного значения, которого требует от послеложной конструкции управляющее ею глагольное слово. Что касается отглагольного наречия, то оно самостоятельно обуславливает падежную форму подчиненного себе существительного. В качестве аргумента, который якобы подтверждает служебный статус отглагольных наречий, утверждается, что, например, в составе нанайского предложения *пунчилкэн дэрэвэ кэндэли пукчиэхэни* 'ёжик бегал вокруг стола' ... словосочетание *дэрэвэ кэндэли* является синтаксически нерасчленимым, выражающим обстоятельство места с оттенком обстоятельства образа действия: 'вокруг стола' ... [Аврорин, 1961, с. 241]. По версии В. А. Аврорина, ... после адвербиализации глагольных слов и последующего приобретения ими свойств служебных слов-послелогов их сочетания с именными словами превратились в неразложимые с синтаксической точки зрения словосочетания, а утратившая свой первоначальный смысл падежная форма именных слов, выражавшая их грамматическую зависимость от слов глагольных, была использована в новом назначении: она (падежная форма – Б. Б.) стала выражать зависимость послеложного наречия от именного слова. Новое использование и осмысление старой формы словосочетания способствовало тому, что эта форма, порвав смысловые связи со своим прошлым, сохранилась до наших дней ... [Аврорин 1961, с. 241].

В тунгусо-маньчжурских языках под понятием *падеж* понимается отношение слов, обозначающих предметы, к подчиняющим их словам, обозначающим действия. К числу таких слов могут относиться не только собственно глаголы, но и слова отглагольного происхождения, т. е. причастия, деепричастия, отглагольные наречия и т. п. Применительно к отглагольным наречиям это означает, что поскольку они не утратили способности подчинять зависимые от них существительные, обуславливая их падежную форму, то постольку же они не утратили ни своего лексического значения (обозначение адвербиально выраженного действия), ни своих частнограмматических категорий (неизменяемость по форме), ни своих синтаксических функций (обстоятельство образа действия, примыкающее к глаголу, действие которого оно поясняет).

Обстоятельство образа действия, выраженное отглагольным наречием, может быть свернутым или развернутым. В первом случае обстоятельство образа действия примыкает к глаголу и поясняет, как проявляется действие, которое этот глагол обозначает. Во втором случае, наречие также примыкает к глаголу и поясняет действие, но, в то же время, оно конкретизирует характер действия, распространяющегося на предмет, выраженный существительным в косвенной падежной форме, обусловленной лексическим значением этого управляющего отглагольного наречия. Таким образом, отглагольное наречие остается знаменательным словом, не превращаясь в служебное ни в случае примыкания к глаголу, ни в случае функционирования в составе развернутого обстоятельства.

Следовательно, наречия отглагольного происхождения не могут быть отнесены к числу послелогов, поскольку они, сохраняя свое лексическое значение, продолжают управлять падежной формой имени существительного, ничем не отличаясь в этом отношении от собственно глагольных форм. В составе предложения такие наречия во взаимодействии с управляемыми или существительными в косвенном падеже выступают в роли развернутого обстоятельства.

В число послелогов В. А. Аврорин включил и так называемые «определятельные послелого», которые, как он поясняет, ... определительно уточняют значения связанных с ними знаменательных слов в смысле охвата последними совокупности обозначаемых ими явлений действительности. Кроме того, большинство из них одновременно выражает падежные значения знаменательных слов. Со знаменательными словами большинство из них грамматиче-

ски связывается обязательной для них притяжательной формой и своим постпозитивным положением ... [Аврорин, 1961, с. 233]. В данном случае речь идет о существительных *таон ~ таони, хэмту, тэху*, которые в зависимости от контекста приобретают различные оттенки обобщительно-выделительного значения.

Особенностью этих слов является то, что они используются только в составе притяжательных словосочетаний, первый член которых выступает в роли притяжательного определения, а второй – в роли определяемого. При этом первый член совпадает с беспадежной формой существительного, которое может обозначать человека, животное или субстантивно выраженное действие, второй член притяжательного словосочетания – обобщительно-определительное местоименное существительное, которое в составе предложения выступает в роли подлежащего, дополнения или обстоятельства. Иначе говоря, в составе предложения в роли главного или второстепенного члена предложения выступает, как это и положено, второй член притяжательного словосочетания, т. е. определяемое. Например, нанайское слово *таон ~ таони* в составе притяжательного словосочетания указывает, что речь идет о каждом из явлений действительности, названном первым членом этой конструкции: *най таони* ‘каждый человек (букв.: человек каждая его особь ~ каждая человеческая особь)’; *гиолипсиндичи таондоани* ‘каждый их взмах веслами’; *мутэхэмбэри таони* ‘каждое исполнение’ и т.п. Как поясняет В. А. Аврорин, ... послелог *таони* образовался от знаменательного существительного *таон* ‘счет, число’, но уже настолько обособился и отделился от него в семантическом отношении, что представляет с ним два омонима с почти не ощутимой генетической взаимосвязью ... [Аврорин, 1961, с. 234].

По способу построения конструкция с существительным *таон ~ таони* весьма сходна со структурой послеложной конструкции, но, тем не менее, имеет и существенные отличия от последней. Прежде всего, существительное *таони ~ таон* является знаменательным словом, оно не подверглось десемантизации. В составе притяжательной конструкции слово обозначает отдельную единицу из числа многих, выделяет единичный предмет из совокупности однородных предметов, названных первым членом притяжательного словосочетания.

Иначе говоря, если послеложная конструкция представляет собой аналитический способ выражения падежных отношений между знаменательным словом этой конструкции и глаголом, обуславливающим эту форму, то притяжательное словосочетание с обобщительно-определительным местоимением представляет собой один из способов словообразования – синтактико-морфологический. Образованные таким способом слова сочетают в себе значение предмета и его признака и могут быть отнесены к числу обобщительно-местоименных существительных. В эвенкийском и эвенском языках такие существительные образуются от основ, обозначающих предметы, при помощи соответственно суффиксов *-тыкин* и *-тын* (ср. эвенк. *илэтыкин* ‘каждый человек’ < *илэ* ‘человек’; *гулэтыкин* ‘каждый дом’ > *гулэ* ‘дом’; *этыкин* ‘всё это, каждый (о предмете), всякое’ < *эр* ‘это’; *гэтыкин* ‘каждый’ < *гэ* ‘один’ (ср. *ге... ге...* ‘один... другой’); *турэнтыкин* ‘каждое слово’ < *турэн* ‘слово’.

Учитывая вышеизложенное, нам представляется ошибочным утверждение В. А. Аврорина о том, что «послелог *таони*, выражая частное падежное значение знаменательного слова, указывает одновременно, что речь идет о каждом из явлений действительности, обозначаемых данным знаменательным словом» [Аврорин, 1961, с. 233]. Представляется, что в составе притяжательного словосочетания связанное знаменательное слово *таони* ‘каждый’ модифицирует лексическое значение первого знаменательного компонента словосочетания, но при этом слово *таони* не выражает какого-либо частного падежного значения, которое в составе предложения выражается нулевой морфемой в именительном падеже или формой косвенного падежа, присоединяемого к слову *таони*, например: *най таони бичхэвэ отолигини* ‘каждый человек пусть овладеет грамотой’ (словосочетание *най таони* ‘каждый человек’ выступает в роли подлежащего); *сикун даңса таомбани нёани бади-бади эрдэңгэсими холай бичини* ‘каждую новую книгу он читал со всё большим и большим интересом’ (словосочетание *даңса таомбани* ‘каждую книгу’ выступает в роли дополнения); *ми сиасин таондиани нэләй*

бичимби ‘я пугался каждого звука’ (словосочетание *сиасин таондиани* ‘каждого звука’ выступает в роли косвенного дополнения повода) [Аврорин, 1961, с. 234].

Не относится к числу определительных послелогов и нанайское слово *хэмту*- ‘совокупность, общее число, коллектив, компания, все что ни на есть’, относительно которого В. А. Аврорин писал: “Послелог *хэмтуни*, выражая падежное значение знаменательного слова, указывает одновременно, что речь идет о всей совокупности предметов, обозначаемых данным знаменательным словом” [Аврорин, 1961, с. 234]. В качестве иллюстрации якобы послеложного использования слова *хэмту* В. А. Аврорин приводит следующие примеры: *бунду хусэ най хэмтуни иргачи энухэчи* ‘у нас мужчины все на рыбалку уехали (букв.: у нас вся мужская компания на рыбалку уехала)’; *даңсам хэмтувэни хоргоду нэкуру* ‘книги свои все в шкаф положи (букв.: всю совокупность книг положи в шкаф)’; *буэ хэмтудупувэ дёбон эгди* ‘у нас у всех работы много (букв.: у нашего сообщества (~ коллектива ~ компании) много работы)’; *дёсал хэмтудиэдиэчи найсал боачи ниэхэчи* ‘изо всех домов на улицу вышли люди (букв.: из домового массы на улицу вышли люди)’ [Аврорин, 1961, с. 234]; *эпэн хэмтуни маняхани* ‘все лепешки кончились (букв.: вся масса лепешек кончилась)’; *колхозникасал хэмтудиэри паяктава посиндахачи* ‘колхозники все уехали на сенокос (букв.: колхозники всем коллективом...)’ [Оненко, 1980, с. 489]. В. А. Аврорин метко подметил, что ... сочетание знаменательного слова с послелогом *хэмтуни* стоит близко в смысловом отношении к сочетанию того же слова с определительным местоимением *хэм* и определительным прилагательным *хэмту*, от которого он и был образован. Разница между ними в том, что при сочетании с послелогом логическое ударение падает на выражаемое им определительное значение, тогда как при сочетании с определительным местоимением или прилагательным логическое ударение делается на значении знаменательного слова, например: *хэм най дичини* или *хэмту най дичини* ‘все люди пришли’, но *най хэмтуни дичини* ‘люди все пришли’ ... [Аврорин, 1961, с. 234]. Именно необходимость подчеркнуть идею преобладающей роли слова *хэмту* в составе предложения и обусловила его место в составе притяжательного словосочетания. Поскольку, как уже упоминалось, притяжательное словосочетание является определительным, то, естественно, что в его структуре главным компонентом выступает определяемое, а подчиненным – его определение. Выступая в составе притяжательного словосочетания в роли его ведущего компонента, слово *хэмту* обретает статус слова класса имен существительных со всеми составляющими его признаками: оно обозначает предметное понятие (общая совокупность чего-л., масса чего-л., общее число кого-чего-л. и т.п.), ему свойственны частнограмматические категории числа, падежа и притяжания, оно способно выступать в предложении в роли подлежащего, дополнения и обстоятельства (ср. *сиксэ бу хэмтудиэри печка дякпадоани тэгуэту* ‘вечером мы все вместе садимся у печки’). Вышеизложенное позволяет нам прийти к выводу о том, что слово *хэмту* в составе притяжательного словосочетания не может считаться послелогом поскольку, во-первых, оно является знаменательным, во-вторых, оно, как и всякое знаменательное слово, в косвенно-падежной форме не выражает и не уточняет падежное значение знаменательных слов, поскольку оно само выступает в предложении в роли того или иного члена предложения.

Также и по тем же основаниям не обладает статусом послелогов и знаменательное слово *тэху* ‘вся, весь, всё’, которое указывает на то, что имеется в виду целиком весь предмет, названный первым членом притяжательного словосочетания, вторым членом которого является слово *тэху*. В составе притяжательного словосочетания слово *тэху* обозначает целостность единичного предмета, или их совокупности, например: *капитанду гуалако тэхуни бичин* ‘у капитана была целая (~ отдельная) комната’; *тэй огдаду буэ паякта омо гони тэхувэни тэучихэпу* ‘на ту лодку мы погрузили целый (~ весь) стог сена’ [Аврорин, 1961, с. 234].

Итак, притяжательные конструкции, вторым членом которых являются определительные существительные, являются частной разновидностью обычных притяжательных словосочетаний, первый компонент которых выступает в роли притяжательного определения ко второму, выступающему в роли определяемого, функция которого сводится к логическому вы-

делению определительного признака, выраженного субстантивно, в качестве доминирующего, определяющего сущность высказывания. В отличие от послелогов определительные местоименные существительные не дополняют падежную парадигму ни новым падежным значением, ни даже его оттенком.

Нет оснований и для отнесения к числу послелогов наречий отглагольного происхождения *пулэмизэ* ‘больше, более чем что-л.’ < *пулэ-* ‘остаться в излишке, превышать’ и *хōлими* ~ *хōлигоми* ‘напролёт, весь, целый, круглый’ < *холи-* ‘огибать, обходить, объезжать; проходить, проводить (замкнутый промежуток времени)’, которые сохраняют способность управлять падежной формой зависимых от них слов, например: *надаиңгова пулэмизэ най дёбойни* ‘семьдесят с лишним человек работает ~ более семидесяти человек работает (букв.: семьдесят человек превышая ...)’, в этом предложении наречие *пулэмизэ* входит в синтаксическую группу развернутого определения к слову *най* ‘человек’, т. е. *надаиңгова пулэмизэ най* ‘свыше семидесяти человек ~ более семидесяти человек’.

В качестве определения эта же синтаксическая группа *надаиңго пулэмизэ* ‘более семидесяти, свыше семидесяти’ используется и в том случае, если зависимое от наречия *пулэмизэ* ‘более чем, свыше’ количественное числительное *надаиңго* ‘семьдесят’ не оформлено суффиксом винительного падежа, т. е.: *надаиңго пулэмизэ най дёбойни* ‘более семидесяти человек работает ~ семьдесят с лишним человек работает’. Анализируя представленные выше примеры, В. А. Аврорин задается вопросом: “Но есть ли это действительно падежное оформление, или же это форма приблизительности количественного признака, материально совпадающая с формой винительного падежа, иначе говоря, имеем ли мы здесь дело с факультативным употреблением особой формы числительного или же с остатками падежного управления – сказать трудно, ибо, если это даже и падежное управление, то уже не ощущаемое как таковое, давно омертвевшее” [Аврорин, 1961, с. 235]. По всей видимости, в том случае если количественное числительное выступает в форме винительного падежа, то его падежной формой управляет отглагольное наречие *пулэмизэ*, образованное от основы *пулэ-* ‘остаться в излишке, превышать’, буквально означающее ‘превышая’, т. е. ‘превышая (семьдесят)’. Понятно, что в этом случае конструкцию с наречием *пулэмизэ* ‘превышая’ нельзя признать послеложной. Иное дело, если слово *пулэмизэ* следует после количественного имени существительного или количественного именного сочетания с утраченным падежным показателем. В этом случае слово *пулэмизэ* становится одним из компонентов определительного словосочетания, указывая на превышение, обозначенного числительным количеством, например: *надаиңго пулэмизэ най дёбойни* ‘больше семидесяти человек работает’; *соси километр пулэмизэ* ‘больше пятидесяти километров’; *дюэр час пулэмизэ халачиори* ‘ждать больше двух часов’; *надалта пулэмизэ аба биури* ‘отсутствовать больше недели’; *дюкэ диралани эм метр пулэмизэ бй* ‘толщина льда больше метра’; *минду эм таңгу тиэсэ пулэмизэ пулэгүхэни* ‘у меня одна сотня рублей с лишним осталось’ [Оненко, 1980, с. 342; 1986, с. 20; Аврорин, 1961, с. 235]. Нетрудно заметить, что в составе предложения конструкция со словом *пулэмизэ* ‘больше, с лишним’ является определением, выраженным числительным или количественным именем существительным в форме их основ. В таком использовании оборот указывает на превышении обозначенного количества предметов, названных существительным, к которому это определение примыкает. Это обстоятельство позволяет прийти к заключению, что при помощи слова *пулэмизэ* в нанайском языке образуется сравнительная степень количественных прилагательных. Иначе говоря, в подобном использовании слово *пулэмизэ* относится к числу основообразующих средств, с помощью которых образуются лексические единицы с дополнительным оттенком вещественного значения (ср. *эм метр* ‘один метр’, но *эм метр пулэмизэ* ‘больше одного метра’).

Вышеизложенное дает основание прийти к выводу о том, что слово *пулэмизэ* не может быть отнесено к числу послелогов, поскольку в одних случаях оно само управляет падежной формой зависимого от него слова, в других случаях – оно модифицирует лексическое значение слова, с которым оно взаимодействует, но ни в том, ни в другом случае оно не служит для выражения подчинительной зависимости знаменательного слова от глагола.

В ороческом языке такие же количественные прилагательные образуются посредством конструкции, в составе которой ее первый член – количественное числительное – выступает в форме винительного падежа, а второй выражен отглагольным наречием *хулэми* ‘превышая, больше, с лишним’, например: *би носово дама хулэми вахами* ‘я добыл более десяти соболей’.

В эвенкийском языке сравнительная степень количественных прилагательных строится по схеме: количественное прилагательное в форме отложительного падежа + прилагательное *хэлэкэ* ‘больше, лишний’, например: *дяндук хэлэкэл чипичал даран дочадячатын* ‘больше десяти птиц сидело рядом’; *дюрдук хэлэкэе вишнялва амңадуви эденэс даяра* ‘больше двух вишен в рот не упрячешь’.

В число послелогов нанайского языка В. А. Аврорин включил также наречие отглагольного происхождения *холими* ‘напролёт (в течение какого-л. промежутка времени)’; ‘весь, целый, круглый (о промежутках времени)’. По его мнению, ... послелог *холими*, сочетаясь с именами временами (имена существительные, обозначающие определенные отрезки времени – Б.Б.) или существительными, обозначающими определенные отрезки времени, указывает на то, что речь идет обо всем отрезке времени от его начала до конца. Вместе с тем, послелог выражает подчиненную зависимость связанного с ним существительного от того или иного глагольного слова, уточняя его синтаксическую роль как обстоятельства времени ... [Аврорин, 1961, с. 235]. Как поясняет автор, ... в нанайском языке имеется живая переходная глагольная основа *холи-*, имеющая значение ‘огибать, обходить, объезжать’: *пароход хонкова холихани* ‘пароход обогнул утёс’; *няромба холи най* ‘человек, обходящий болото’; *пукчун, оламба холими, дидяндини* ‘собачья упряжка, объезжая полынью, приближается’. Форма одновременного деепричастия от этой глагольной основы (т. е. отглагольного наречия – Б.Б.) стала употребляться при словах, обозначающих время, в переносном значении ‘огибать, охватывать данный отрезок времени’, сохраняя при этом управление винительным падежом подчиненного имени» [Аврорин, 1961, с. 235]. Это разъяснение, казалось бы, с полной очевидностью свидетельствует о том, что слово *холими* или его морфологический вариант *холигоми* ‘напролёт’ относится к числу отглагольных наречий, сохранивших способность управлять падежной формой зависимых от них слов. Это в корне отличает наречия от истинных послелогов, выражающих падежные отношения между подчиненным знаменательным существительным и подчиняющим его отглагольным словом.

Иначе говоря, различие между послелогом и отглагольным наречием сводится к тому, что первый является формой выражения падежной зависимости знаменательного слова от глагола, а второе – отглагольным словом, обуславливающим падежную форму зависимого от него знаменательного слова, само же отглагольное наречие, примыкая к глаголу, выступает в форме независимой от последнего. Чем же объясняет В. А. Аврорин якобы состоявшийся переход знаменательного слова, которым является наречие *холими* ~ *холигоми*, в разряд служебных слов, т. е. послелогов? «Длительное употребление в переносном значении только этой формы привело к разрыву семантической связи слова *холими* в таком употреблении со всеми производными от живой основы *холи-* и к его морфологической изоляции. В результате этого слово *холими* расщепилось на два омонима: *холими* ‘огИБая, обходя, объезжая’ (одновременное деепричастие единственного числа от глагольной основы *холи-*) и *холими* – послелог, обозначающий заполненность действием всего данного отрезка времени от начала до конца» [Аврорин, 1961, с. 235].

Если согласиться с тем, что переносным считается значение, приобретаемое словом в результате употребления его для обозначения действия, не являющегося его обычным или естественным референтом, то придется признать, что глагольная основа *холи-*, от которой образованы одновременное наречие *холими* ‘огИБая, обходя, объезжая’ и отглагольное наречие *холими* ‘напролёт, охватывая (о промежутках времени; весь, целый, круглый (о промежутках времени))’, является исходной как для деепричастия, так и для наречия, а их значения являются производными, обусловленными лексическим значением существительного, падежной формой которого они управляют (ср. ‘обойти, пройти мимо чего-л., пройти стороной, огИБая, минуя кого-л., что-л., но охватывать, включать в себя, в свой состав, в свое со-

держание, обнимать какой-либо промежуток времени'). Исходя из этого, значение наречия является не переносным, а вторичным, являющееся производным или побочным от номинативного значения. Именно поэтому слова *хולי́ми* 'огибая, обходя, объезжая' и *хולי́ми* 'напролет' и т.п. являются не омонимами, а одним словом, оттенки лексического значения которого обусловлены контекстом. О том, что значения наречия *хולי́ми* 'напролёт' и т.п. не привело к разрыву его семантической связи со всеми производными от основы *хולי-* и к его морфологической изоляции, свидетельствует как оформление зависимого от него существительного суффиксом винительного падежа, так и сохранение этим наречием своего лексического значения. Не следует забывать и то, что истинный отыменной послелог взаимодействует со знаменательным словом в форме его основы, т.е. он ни при каких обстоятельствах не способен управлять его падежной формой, поскольку является только лишь формой выражения падежного значения знаменательного слова, но не формой, обуславливающей какую-либо падежную форму другого слова.

Как уже неоднократно говорилось, отыменной послелог является служебным десемантизированным компонентом послеложной конструкции, отношения между членами которой выражаются с помощью системы притяжания. Иначе говоря, отыменная послеложная конструкция допустима только в рамках притяжательного словосочетания, представленного знаменательным и служебным словом, при этом знаменательное слово может выступать лишь в форме своей основы (т.е. в беспадежной форме), а послелог – в форме, выражающей падежное значение. Такая схема структуры послеложной конструкции свойственна тем тунгусо-маньчжурским языкам, в которых наличествует категория притяжания, формой выражения которой является притяжательная суффиксация. В маньчжурском языке притяжательные отношения между членами притяжательного словосочетания выражаются не суффиксальным способом, а лексико-синтаксическим, при котором к определяемому существительному примыкает его определение, выраженное притяжательным прилагательным, образованным от основы личного местоимения или существительного при помощи притяжательного суффикса *-и* ~ *-ни* например: *мини ама* 'мой отец', *мэни б̄* 'наш дом', *мусэи сэфу* 'наш учитель', *ама и б̄* 'дом отца ~ отчий дом'; *сэфу и даңса* 'книга учителя ~ учителява книга'; *ч̄оха и агура* 'вооружение войска ~ войсковое снаряжение'.

Маньчжурские послелогии, как и послелогии в остальных тунгусо-маньчжурских языках, служат для выражения или уточнения грамматических связей по способу управления между знаменательным существительным и глаголом. При этом следует особо отметить, что маньчжурские послелогии, как и послелогии других тунгусо-маньчжурских языков, функционируют также, как правило, в рамках притяжательных словосочетаний, Но такие словосочетания по способу своего выражения, как указано выше, отличаются от суффиксально выраженных притяжательных словосочетаний остальных языков. Поэтому нельзя согласиться с мнением В. А. Аврорина, который пишет: "Служа инструментом управления одних знаменательных слов другими, они (послелогии – Б.Б.) сами по внешнему виду управляют словами, которым подчинены, требуя от них формы косвенного падежа, чаще всего родительного" [Аврорин, 2000, с. 227]. На самом деле, в рамках маньчжурской послеложной конструкции «знаменательное существительное + послелог» функционирует не существительное в форме родительного падежа + послелог, а – притяжательное прилагательное + послелог. В результате утраты послелогом лексической самостоятельности, т. е. его десемантизации, послеложная конструкция, вторым членом которой он является, подверглась грамматикализации, т. е. знаменательное слово и послелог, стали восприниматься как единая лексическая единица в той или иной косвенной падежной форме, например: *ама и бару гэнэки* 'пойду-ка я к отцу (букв.: в отцовское направление ~ по направлению к отцу)'; *би сини бару хэндумби* 'я говорю тебе (букв.: я говорю в твоё направление)'; *сини амала сэкини* 'пусть скажет после тебя'.

В ряде тунгусо-маньчжурских языков в разряд послелогов переходят отдельные отглагольные наречия. Такой переход, на наш взгляд, обусловлен опрощением конструкции, состоящей из отглагольного наречия и подчиненного ему существительного. Суть опрощения состоит в изменении морфемной структуры существительного, взаимодействующего с от-

глагольным наречием, что проявляется в ходе развития языка: существительное, ранее членимое на лексическую и формальную морфемы (основа и падежный суффикс), со временем утрачивает этот суффикс, становясь основой, совпадающей по форме с беспадешной. Основная причина опрощения, на наш взгляд, кроется в десемантизации отглагольного наречия, связанная с утратой им этимологической мотивированности и смысловой связи с породившей его глагольной основой и более тесной связи с подчиненным ему существительным.

К числу послелогов, возникших на базе отглагольных наречий, например, в удэгейском языке относятся: *чул* 'в, через, по'; *огдофа* 'вдоль чего-л.', *хэгэихи* 'вниз чего-л.', *дофа* 'по всему пространству (внутри) чего-л.'; *агдафа* 'между чем-л.', *мэндэ* 'вместе с кем-л., чем-л.'; *моңголиэ ~ моголиэ* 'вокруг чего-л., в течение (какого-либо промежутка времени)', *эгэлиэ* 'вокруг чего-л.'; *тагаихи* 'вглубь (чего-л.) от берега; прямо, как раз, точно во что-л.' и некоторые другие.

Особенность отглагольных послелогов проявляется в том, что, во-первых, они взаимодействуют со знаменательным словом вне рамок притяжательной конструкции, во-вторых, в отличие от отглагольных наречий, они не управляют падежной формой знаменательного слова, которое во взаимодействии с отглагольным послелогом выступает в беспадешной форме, т. е. в форме своей основы, например: *сү тафа нагдайа!* 'попади прямо в солнце'; *Луги бэлиэ миавани тафа тууэни* 'он попал прямо в сердце Луги бэле'; *тб эгэлиэ хулими, сэңкиэ саң'авани ңиоисими, олохи самани хаңасиани* 'двигаясь вокруг костра и нюхая дым багульника, беличий шаман камлает'; *мамака саң'а чул хэтиуэңкини кава диоихини* 'старуха через дымоход в балаган спрыгнула'; *кава дофа галакталиани* 'стали они рыскать по всему балагану' и другие.

По иному в разряд послелогов переходят отглагольные наречия в эвенкийском языке, где конструкция с таким послелогом строится по схеме «знаменательное слово в форме основы + послелог в притяжательной форме», ср. *суксилур старшина арчаптыкин ңэнэдечэтын* 'лыжники шли старшине навстречу', но *сулакиткар куңакарвэ арчаптыки хуктылчэтын* 'лисята кинулись к детям навстречу'; *урэл чагидитын дылача угириуэчээн* 'из-за гор поднималось солнце', но *нуңан бирава баргигит эмэрэн* 'он пришел из-за реки' и др.

Таким образом, формирование и развитие отыменных послелогов в тунгусо-маньчжурских языках осуществлялось в рамках притяжательных конструкций двух типов: морфолого-синтаксической и лексико-синтаксической.

Первый тип таких конструкций свойственен тунгусским языкам северной и южной групп, второй тип является характерным для грамматической системы маньчжурского языка.

Что касается отглагольных, или деепричастных послелогов, то их формирование и развитие осуществлялось разными грамматическими способами: одни из них, стали функционировать в составе притяжательного словосочетания, ничем не отличаясь в этом отношении от отыменных послелогов, другие стали постпозитивно примыкать к знаменательному слову, отличаясь в этом отношении от суффиксальных падежных показателей лишь раздельным написанием.

Список литературы

- Аврорин В. А.* Очерки по синтаксису нанайского языка. Л. 1948. 258 с.
Аврорин В. А. Грамматика нанайского языка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 282 с.
Аврорин В. А. Синтаксические исследования по нанайскому языку. Л.: Наука, 1981. 199 с.
Аврорин В. А. Грамматика маньчжурского письменного языка. С-Пб.: Наука, 2000. 239 с.
Ахманова О. А. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966. 607 с.
Константинова О. А. Суффиксальное словообразование имен существительных в эвенкийском языке // Докл. и сообщ. Института языкознания АН СССР. М.; Л.: 1958. Вып. II. С. 3-19.
Константинова О. А. Эвенкийский язык. М.; Л.: Наука, 1964. 182 с.

Лебедева Е. П., Константинова О. А., Монахова И. В. Эвенкийский язык: Просвещение, 1985. 304 с.

ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. 683 с.

Новикова К. А. Очерки диалектов эвенского языка: Ольский говор. Ч. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 264 с.

Суник О. П. Существительное в тунгусо-маньчжурских языках. Л.: Наука, 1982. Т. I. 248 с.

Хасанова М. М. Особенности функционирования локативных падежей в эвенкийском языке. АН СССР, ДНЦ. Новосибирск, 1986. 46 с. (препринт).

Цинциус В. И. Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка. Л.: Учпедгиз, 1947. 271 с.

B. V. Boldyrev

Institute of Philology of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation;
sektor-tungusov@mail.ru

Postpositions and their functioning in Tungusic declension system.

The paper deals with the issues of forming postpositions as an independent class of connecting (syntactic) words in the Tungusic languages and consistently analyses their formal and functional features. Two groups of postpositions have been identified: those derived from non-semantic nouns and those derived from verbal stems: predominantly coverbal adverbs. As a result of the analysis of the structure and semantics, it has been shown that the formation and development of the Tungusic adnominal postpositions has been stimulated within the framework of two types of possessive constructions: morpho-syntactic and lexico-syntactic ones. The former type of the constructions in question is characteristic of the Northern and Southern Tungusic language groups, the latter one is peculiar to the Manchu language. The formation and development of verb-derived or adverbial-participle postpositions have followed their own ways of grammaticalization: some of them began functioning in possessive phrases behaving like adnominal postpositions, and some other ones were used in the postposition to an autonomous word, the distinction to the case suffixes being formal separability.

Keywords: postpositions, connecting (syntactic) words, grammatical category, adnominal and verbal postpositions.

References

Avrorin V.A. *Oчерки по синтаксису нанайского языка* [Essays on the syntax of the Nanai language]. Leningrad, 1948, 258 p.

Avrorin V.A. *Grammatika nanajского языка* [Grammar of the Nanai language]. Moscow, Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1959, 282 p.

Avrorin V.A. *Sintaksicheskie issledovaniya po nanajскому языку* [The syntactic studies of the Nanai language]. Leningrad: Nauka, 1981, 199 p.

Avrorin V.A. *Grammatika man'chzhursкого пис'менного языка* [Grammar of the Manchu written language]. Saint Petersburg: Nauka, 2000, 239 p.

Ahmanova O.A. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Moscow: Sovetskaja jenciklopedija, 1966, 607 p.

Konstantinova O.A. Suffiks'al'noe slovoobrazovanie imen sushhestvitel'nyh v jevenkijskom jazyke [Suffixal word-formation of nouns in Evenki language]. In: *Doklady i soobshheniya Instituta jazykoznanija AN SSSR* [The reports of the Institute of linguistics, USSR Academy of Sciences], Vyp. II, Moscow, Leningrad: 1958, pp. 3-19.

Konstantinova O.A. *Jevenkijskij jazyk* [The Evenk language]. Moscow, Leningrad: Nauka, 1964, 182 p.

Lebedeva E.P., Konstantinova O.A., Monahova I.V. *Jevenkijskij jazyk: Prosveshhenie* [The Evenk language], 1985, 304 p.

LJeS – *Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow: Sovetskaja jenciklopedija, 1990, 683 p.

Novikova K.A. *Oчерки dialektov jevensкого языка: Ol'skij govor. Ch. 1.* [Essays on the dialects of the even language: Olsky said. Part 1]. Moscow, Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1960, 264 p.

Sunik O.P. *Sushhestvitel'noe v tunguso-man'chzhurskikh jazykah* [A noun in the Manchu-Tungus languages]. Leningrad: Nauka, 1982, T. I, 248 p.

Hasanova M.M. *Osobennosti funkcionirovaniya lokativnyh padezhej v jevenkijskom jazyke* [Features of functioning locating cases in the Evenk language]. AN SSSR, DNC. Novosibirsk, 1986, 46 p. (preprint).

Cincius V.I. *Oчерк grammatiki jevensкого (lamutского) языка* [Essay grammar even (lamutskoe) language]. Leningrad: Uchpedgiz, 1947, 271 p.